

УДК 811.111'367/37
ББК 123.34

А.Н. РУХЛИН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СИМБИРСКИХ И САМАРСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ЖУРНАЛАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Ключевые слова: «Симбирские епархиальные ведомости», «Самарские епархиальные ведомости», Первая мировая война, Русская православная церковь.

В статье рассматривается издательская деятельность провинциальных журналов «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» во время мировой войны 1914–1917 гг. В своих периодических изданиях церковные редакторы и журналисты пытались поддерживать чувство патриотизма в обществе и обосновать роль и миссию России в войне с «тевтонскими полчищами». Также к 1916 г. в журналах прослеживаются социальные проблемы и идеологический упадок российской монархии. Автором был реализован подробный научный анализ ранее сформировавшегося знания и научного подхода в целях выявления знаний о редакционно-издательской политике Русской православной церкви в годы войны. В своем научном исследовании автор руководствовался историческим методом или, как его еще формулируют, принципом историзма. При проведении данного научного исследования автор опирался в первую очередь на специально-исторические и общеисторические методы. Достоверность исследования обусловлена использованием реальных архивных периодических изданий, опубликованных в 1914–1917 гг. Статья актуальна тем, что автор показывает на конкретных примерах информационные возможности церковной периодической печати в условиях войны.

Ведущую роль в формировании общественного мнения сегодня играют средства массовой информации. СМИ во всем мире превратились в подавляющую силу воздействия на сознание и представления людей. Это наиболее эффективное средство манипулирования человеческими эмоциями, способное убеждать общество наилучшим образом, особенно в условиях нарастания кризиса. Средствами массовой информации используются определенные структуры образов и поведения, воздействующие на современное общество и коллективы.

В начале XX в. печатные издания стали самым распространённым видом передачи информации. Как писал Н.А. Энгельгардт, на пороге XX в. при глубоком духовном упадке «пульс жизни, если и бьется, то в газетах» [26. С. 22]. В 1890 г. в Российской империи существовало 796 различных периодических изданий. За период 1891–1900 гг. возникло еще 794 новых журнала и газеты. В 1900 г. в стране выходило около 1000 периодических изданий, а в период 1901–1916 гг. вышло более 14 тыс. средств массовой информации, на долю Петербурга и Москвы приходилось свыше 6 тыс. [6. С. 7].

В годы Первой мировой войны периодическая печать оказалась главным источником силы, формирующим мировоззрение общества в целом и также отдельных его представителей в частности. Прекрасно осознавая это, российское правительство на протяжении всей войны пристально следило за печатными изданиями, пытаясь направить их содержание в правильное, с точки зрения власти, русло, сформировать в российском обществе патриотические чувства и настроения. Как высказался в письме к самарскому губернатору гофмейстер Булганин, народ имеет «излишнее доверие к корреспондентам» [29].

Серьезную поддержку правительству в распространении «ура-патриотизма» оказывала Русская православная церковь (РПЦ). Церковь выражала

себя как часть государственного института и как наследница древних патриотических традиций. В XIX в. православное духовенство уже обладало собственными периодическими изданиями, что делало этот слой социально значимым в нашей стране. Во время войны в своих провинциальных епархиальных журналах православная церковь призывала российское общество к терпению и борьбе за свое нелегкое «правое дело».

Епархиальные ведомости печатались в 63 епархиях РПЦ. В данных журналах содержалась информация о духовной жизни губернии с новостями епархии. В XIX в. в них почти не поднимались политические вопросы, события рассматривались односторонне и отношение к ним было однозначное, не допускающее обсуждения. Число изданий было невелико, их сферы влияния, задачи и темы не пересекаются друг с другом, споры и дискуссии, характерные для центральной печати, отсутствуют. Политизация журналов начинается в поворотные моменты российской истории начала – первой четверти XX в. (русско-японская война, первая русская революция, первая мировая война). Появляются образы противников России (например, монголы-язычники в качестве японцев и варвары-тевтонцы в качестве немцев), освещаются военные события, осуждаются революционеры.

Церковные редакции сохраняли особый статус, так как в отличие от местных периодических изданий, контролируемых губернатором и цензурным комитетом, местные епархиальные ведомости содержали своего личного цензора, чаще всего из городских клириков [28]. В бюджет епархиальных ведомостей входили расходы на работу цензора и выплаты гонораров авторам статей. Не оплачивались лишь, как правило, выходящие за пределы программы издания статьи и различные злободневные полемические заметки.

События данной тематики и периода истории нашей страны нашли подробное освещение в работах таких отечественных исследователей, как Р.А. Савастенко [7], Г.В. Жирков [3], Е.Ю. Семенова [8], А.О. Буранок [1] и др. Названные труды историков, исследовавших российскую периодическую печать, являются важным вкладом в анализ политического процесса данного исторического периода.

Статья актуальна тем, что, во-первых, автор показывает на конкретных примерах возможности средств массовой информации в ту эпоху, когда не было ни телевидения, ни радио (в общепринятом понимании этого слова), ни компьютеров, ни Интернета. На примере журналов «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» можно рассмотреть политическую, духовную и социальную деятельность церковного руководства, духовенства на фронте и в тылу. Также редакторы журналов пытались отразить основные события Первой мировой войны.

Во-вторых, даже тогда газеты и журналы как основные средства массовой информации сыграли значительную роль в проведении в массы проправительственной политики и, несмотря на тяжелейшее социально-экономическое положение большей части обывателей, помогли удержать стабильное положение в провинциях до февраля 1917 г., когда в столице начались события, переместившиеся позднее уже в регионы.

В-третьих, Русская православная церковь как монополярная религиозная организация в России, воспользовавшись войной, пыталась решить свои конфессиональные проблемы на страницах своих епархиальных журналов: полемизировала и критиковала немецких лютеран и баптистов.

В-четвертых, мы видим, что дореволюционная периодика играла огромную роль в информированности населения губерний, охвате аудитории и, конечно же, значительно отличалась от современной церковной печати по объему страниц и широте тематики.

В поволжских городах Симбирск и Самара епархиальные ведомости были старейшими журналами, начавшими выходить во второй половине XIX в. Ведомости отражали интересы простого населения, можно сказать, были «гласом верующих», интеллигенции и всех, кто был предан православной церкви и монархии.

В Симбирской губернии с 1 января 1876 г. выходил журнал местной епархии Русской православной церкви «Симбирские епархиальные ведомости». К ведомостям прилагалось бесплатное приложение «Листок для народа», издание Симбирского епархиального духовно-просветительского Свято-Троицкого Братства. В приложении простым языком излагались просветительские статьи, добрые советы и даже стихи. С началом военных действий журнал выступил в защиту «Отечества и Престола». Данный печатный орган отстаивал монархическую позицию и сотрудничал с почетным симбирским дворянином, инициатором Симбирского отделения Союза русского народа Н.И. Поливановым, финансировавшего правую газету «Симбирянин». Другим церковным изданием был журнал «Симбирская церковная старина», выходивший во время войны 1914–1917 г. Он освещал только вопросы церковно-религиозной жизни Симбирского края и памятники церковной старины. Политические события он не затрагивал.

В Самаре во время войны аналогичным изданием можно назвать «Самарские епархиальные ведомости». Исследователь А.Б. Зубова называет справедливо «Самарские епархиальные ведомости» «зеркалом провинциальной жизни» [4. С. 58]. Этот официальный печатный орган Самарской и Ставропольской епархии издавался с 1867 г. В Самаре епархиальные ведомости издавались при епархиальном братстве св. Алексия два раза в месяц.

Все епархиальные ведомости выходили два раза в месяц, т.е. 24 раза в год, выпускались книжками в 4 доли листа. Как и аналогичные журналы других епархий, Самарские и Симбирские епархиальные ведомости состояли из официальной части, где публиковались правительственные материалы, постановления и разъяснения Синода, распоряжения правящего архиерея, и неофициальной, где печатались проповеди, речи, статьи по истории и о текущей жизни епархии, культуре, этнографии и народонаселении края, воспоминания, богословские суждения, полемические письма, рекламные объявления торговых фирм и частных лиц. Сегодня епархиальные ведомости представляют очень богатый исторический материал для изучения материальной и духовной жизни населения Симбирского и Самарского краев в конце XIX – начале XX в. В Симбирске журнал был закрыт в 1917 г., в Самаре – через год, в 1918 г.

Русская православная церковь пользовалась особым покровительством властей и имела различные привилегии, которых были лишены другие – «инославные» и «иностранные» конфессии и исповедания. Священнослужители ставились в привилегированное положение, на них возлагался ряд важнейших государственных функций, одной из самых важных была идеологическая поддержка самодержавия. В годы мировой войны Русская православная церковь активно содействовала властям в укреплении моральных и нрав-

ственных устоев российского общества. Она поддерживала в своей пастве «воодушевление, спокойствие и единодушие» [9. С. 555], проводила социальную политику в отношении семей воинов и сбор средств раненым, а также организовывала иные формы поддержки.

Поволжье за счет своего географического положения и удаленности от непосредственных боевых действий стало тыловым регионом во время войны, экономика Симбирской и Самарской губерний была направлена на обеспечение фронтовых нужд русской армии. В губерниях происходило активное строительство храмов. К 1917 г. в Симбирске было более полусотни православных богослужебных сооружений: 2 монастыря, 3 собора, 21 приходская и 25 домовых церквей, около десятка часовен [5. С. 78]. К 1916 г. в Самарской епархии было свыше 1000 храмов, в которых служило 2366 человек: 48 протоиереев, 1069 священников, 335 диаконов и 914 псаломщиков. Из священников большинство – 773 человека – окончили духовные семинарии. Духовные академии закончили 16 человек. Действовали 1073 церковно-приходские школы, в них учились 64 877 человек. В епархии насчитывалось 967 церковных библиотек с общим книжным фондом в 142 532 тома. При церквях Самарской епархии находилось 7 богаделен, в которых проживало 186 человек. Содержались они на средства частных благотворителей [27]. На личные средства самарского купца В.М. Суорошников в 1915 г. была построена последняя самарская дореволюционная церковь, освященная во имя Архангела Михаила. Епископ Вениамин Симбирский и Сызранский и владыка Самарский и Ставропольский Михаил призвали всех верующих и служителей церкви жертвовать на нужды армии и фронта во имя скорейшей победы в «Великой войне». Вениамин и Михаил приложили много усилий в поддержку больных и раненых, устройства многочисленных беженцев, хлынувших с оккупированных территорий в Симбирскую и Самарскую губернии.

В «Самарских епархиальных ведомостях» по случаю начала войны было опубликовано воззвание «*Братья и сестры великой России! Идет колоссальная кровавая борьба народов, какой еще не видел мир*» [10. С. 335]. В 1914 г. происходили демонстрации по всей стране в поддержку правительства, журнал «Симбирские епархиальные ведомости» на первых страницах сообщает: «*Настроение, переживаемое русским обществом в нынешнюю войну*», равносильно настроению, «*которое испытывала Россия в Отечественную войну 1812 г.*» [20. С. 880]. Народ пел гимн «*Боже, царя храни*» и шествовал с российскими флагами и возгласами «*Ура*», «*Да здравствует Сербия, Англия, Франция, Черногория*» [2. С. 6]. В симбирских и самарских епархиальных ведомостях была напечатана торжественная речь императора Николая II, в которой он заявил, что «*не заключит мира, пока последний неприятельский воин не уйдет с родной земли*» [13. С. 661].

Архипастырь Вениамин перед совершением молебна 12 августа 1914 г. в здании Симбирского дворянского собрания сказал пламенную речь, о скорейшей победе, дарованной Господом над нечестивыми германцами Всероссийскому «христолюбивому воинству»: «*Вы, благородные сыны земли Симбирской, собрались в наш богоспасаемый град для того, чтобы едиными устами и единым сердцем принести горячую молитву к Господу о Благочестивейшем нашем Самодержце и Его победоносных вождах и воинах, подвигающихся в настоящее время на поле брани в борьбе с многочисленными врагами-тевтонами*» [14. С. 700].

Сразу после начала боевых действий епархиальные ведомости занялись обоснованием участия России в мировой войне. Справедливым доказательством «правого дела» служило то, что на *«угнетенный, единоверный и единокровный, многострадальный сербский народ»* вероломно напали «врагитевтоны» в лице Австро-Венгрии. Несомненно, важным фактором стало то, что именно Германия, «извечный враг Святой Руси», стала главным агрессором в конфликте, что резко легитимизировало войну в глазах общественного мнения страны и положительно сыграло на руку церковным журналистам. Журналисты в своих статьях и заметках приписывали России «мессианскую роль», так как она выступала в защиту всего славянского и православного мира. В своих епархиальных журналах авторы статей представляли немцев как давних врагов славянского народа еще со времен святого князя Александра Невского или готского короля Германариха, *«воюющих со Славянами с незапамятных времен, соперничающих с ними даже в мирное время»* [16. С. 760]. Церковное руководство пыталось объяснить значение войны с немцами и роль в ней России. В Самаре активную позицию занимало Братство св. Алексия во главе с протоиереем А.А. Рождественским, который вместе с лекторами С.О. Богородицким и П.П. Расцветовым проводили просветительские чтения и беседы для народа по поводу *«настоящей войны»* [10. С. 234].

Церковная печать воспринимала и интерпретировала конфликт с Германией и Австро-Венгрией как борьбу немецкой и славянской цивилизаций, противостояние «ложного» западного христианства и «истинного» православия, что, с точки зрения епархиальных редакций, оправдывало вступление России в войну. В «Симбирских епархиальных ведомостях» анонимный автор в статье «Из светской жизни» говорит, что нельзя смотреть на нынешнюю войну просто как на борьбу между отдельными державами из-за политического, экономического, территориального или иного противоречия, эта всеобщая война таит в себе *«высший смысл, некоторое религиозное значение»*. Автор подчеркивает, что «великая русская армия» доблестно сражается на фронтах мировой войны не просто за геополитические интересы «своего Отечества», а за нечто более сокровенное и вечное, за «христианскую истину и правду», так как якобы германский мир уже давно пытался *«ослабить могущество православной России»* [13. С. 661]. В статье высказал схожую позицию автор М. Меньшиков, придав мировому конфликту также особый характер, он пишет: *«Эта война для нас святая, священная, как крестовый поход»*. Автор подчеркнул, что не геополитические амбиции или низкое своекорыстие заставили Россию обнажить свой меч, а *«защита униженных и томящихся под немецким игом братьев»* [20. С. 881].

На страницах епархиальных ведомостей симбиряне читали статьи и заметки о жертвенных и героических подвигах своих соотечественников. Добровольный уход на фронт многократно описывается в журнале «Симбирские епархиальные ведомости». Один из таких примеров мы находим в статье «В исправительном детском приюте» протоиерея М.А. Тихомирова, в ней речь идет о «сердечных проводах» на войну с австрийцами воспитателя исправительного приюта Дмитрия Миртова. Храброго воина-добровольца провожали воспитанники и сослуживцы. Автор статьи выступает с призывом самопожертвования и самоотверженной любви во имя *«православной веры, царя и Отечества»* [20. С. 892].

В епархиальных ведомостях выходили статьи, связанные с военными событиями и историями, повествующие об ужасах, чинившихся австро-венгер-

ской армией на оккупированных территориях. Примером служит статья «На Холмско-Галицкой границе» сельского священника, очевидца данных событий. Он рассказывает о прибытии в деревню венгерских гусар, которые, обыскав и ограбив местное население, начали *«издеваться и зверствовать»*. После убийства крестьянина Василия Арбузова венгерские солдаты изнасиловали шестнадцатилетнюю крестьянскую девушку. Хотели казнить заступившегося священника, но, как подчеркивает сам автор рассказа, спасен он был человеком славянской крови, чешским унтер-офицером, служившим в австро-венгерской армии [16. С. 855].

События на самом фронте в епархиальных журналах отражались слабо из-за более религиозной направленности церковной печати. Все же ведомости печатали победные шествия русской армии после победы на Юго-Западном фронте в 1914 и 1916 гг., большее значение уделялось также «положительному влиянию» православных «батюшек» на солдат и офицеров в тылу и особенно на передовой. В статье «Первая всенощная на фронте» священник А. Березин описывает проведенную литургию на передовой во время выстрелов и грохота пушек. После прочтения Евангелия все солдаты подошли и приложились, *«сумрачные лица серых героев как будто обмякли»* [22. С. 14].

Так как епархиальные ведомости, по сути своей, журналы религиозные, большое значение во время войны уделялось иноверцам и еретикам, в которых видели, прежде всего, немцев (хотя французы-католики, англичане-протестанты и другие союзники как еретики почти не упоминались). В некоторых статьях немецкий народ представляется даже «антихристским». В «Симбирских епархиальных ведомостях» в заметке «В зеркале жизни» автор Р.Ч. пишет, что якобы христианская Германия показала всему миру, как она легко может «обходиться без Христа», уничтожая христианские храмы в Европе [19. С. 1059]. В своих богословских статьях авторы А.А. Кычигин, О. Россейкин, В. Дмитриев, А. Введенский, И. Сергиевский и другие просвещают православный народ, ведут борьбу за веру с еретиками и спорят с сектантами-рационалистами. Интересно то, что мусульмане вообще не упоминаются, скорее всего, из-за большого процента исповедующих ислам в Российской империи, значительного количества мусульман-солдат в российской армии и поддержки царя исламским духовенством.

В епархиальных журналах можно найти строки о «злых немцах», которые, как оказывается, уже давно пытались «одолеть» русскую православную веру и часто посылали якобы *«своих благовестников, а на самом деле – злых и жалких еретиков»* [16. С. 794]. Борьба с немцами-еретиками, переходящая в агонию, особенно развернулась на страницах епархиальных периодических изданий в период 1914–1915 гг. Реакционная церковная интеллигенция, воспользовавшись дискредитацией немцев вследствие войны, пыталась выставить инославные конфессии и откровенных сектантов как угрозу не только православной вере, но и государства. В статье (автор С.М.И.) «Нечто из жизни сектантов адвентистов седьмого дня» говорится, что сектантская проповедь и литература – это немецкая пропаганда для русского населения [21. С. 119]. Такая антинемецкая и антипротестантская позиция вызвана еще тем, что германская пропаганда называла русских – *«инфузориями, которые способны только жить в Сибирских тундрах»*, их союзников немецкие газеты называли *«дикарями, которых следует истреблять»* [15. С. 700]. В симбирских и самарских православных журналах упоминаются

также «исследователи Библии», «иеговисты», «книгоноши», «баптисты», «духовные христиане» и многие другие [10. С. 664]. Старообрядцы также представлены как «неправильно верующие» [16. С. 838].

Интересное мнение высказал Феодосий епископ Смоленский в своей статье «Какое отношение настоящая война имеет к Церкви Божьей?». Он пишет про конфликт с Германией, что он есть – «натиск вражеских сил против нашего св. Православия» [16. С. 794], т.е. тотальная война за «Веру, за Церковь Божию». В статье Феодосия немцы выступают еретиками (лютеране, штундеры, баптисты), которые смущают русский народ «лютеровой ересью...», и она как «сорная трава, проросла уже между чистою пшеницею Православия» [16. С. 796]. Автор подметил еще то, что центральные державы, воюющие с православной Россией, свысока и пренебрежительно относятся к «нашей истинной вере», в общем, как к «религии какой-то низкой пробы».

Популярной темой православных журналов являлась деятельность сектантов-еретиков, авторы пытались выставить их взгляды на веру ошибочными, неправильными. В № 21 «Симбирских епархиальных ведомостей» была опубликована статья «Угодны ли Богу иные веры?» из дневника архиепископа Никона, которая начинается со слов «истинная вера только одна. Это вера православная» [17. С. 909]. Популярным автором на данную тематику, который часто публиковался в епархиальных журналах, был талантливый духовный писатель и священник Александр Введенский. В статье «Противосектантские и противоправославные листки» он пишет о жалобах миссионеров, которые говорят, что крестьяне отдают предпочтение сектантской литературе, «читают больше сектантские листки...». Сам Введенский аргументирует это тем, что, проводя параллель между своими и чужими листовками, сразу видишь, «сектантские листки гораздо интереснее, доступнее, жизненнее...» [14. С. 705].

Протоиерей А.П. Введенский публикует не менее интересную статью «Сторонники и защитники сектантов» о религиозном учении штундизме. С позиций автора, немцы-штундисты вредны России и российскому народу не только в смысле отступления от «святого православия», но и нелояльности царю и политической системе в целом. Суть учения заключается в том, чтобы вселить в умах невежественных и малограмотных крестьян и мещан евангельские слова о том, что «все люди – братья и равны пред Богом», и, следовательно, «земля должна быть разделена поровну», вести войны и убивать неприятеля нельзя, так как «противно Евангельскому учению, а потому надо стараться избегать военной службы». Введенский считает немецких штундистов достаточно революционными, так как еретики открыто вербовали своих последователей и проповедовали, что царская власть и помещики в своих интересах «забрали в свои руки большую часть земель и богатства в ущерб простому народу» [20. С. 875].

Сторонниками и последователями сектантов оказываются чиновники, редакторы, интеллигенция, писатели и разного рода российские «прогрессисты» и даже «наиболее просвещенные и культурные служители и прихожане православной Церкви», которые все чаще стали поддерживать ее врагов, идеализируют их, «а по временам и субсидируют», негативно воздействуют и непосредственно влияют на русскую общественность. «Симбирские епархиальные ведомости» 1 октября 1914 г. в №19 сообщают о «массовом и постоянном» переходе из православной церкви в секту передовых и культур-

ных слоев российского общества, «в последнее время приобретем самые широкие размеры» [16. С. 833]. Даже такая крупная политическая фигура, как бывший товарищ министра финансов, крупный российский чиновник Г. Тернер, который «не только защищал и оправдывал сектантов, но сам был сектантом, занимался пропагандой их вероучения» [16. С. 836]. Симпатизируют сектантам и светские журналы. В статье «Сторонники и защитники сектантов» сообщается, что «*“Русская старина”, “Русское богатство”, “Вестник Европы”, “Журнал для всех”, “Русская мысль”, “Вестник права”, “Исторический вестник”, “Новое слово” и многие другие – открыто стоят за сектантов*» [16. С. 837]. Талантливый сотрудник московской газеты «Русское слово» А.С. Панкратов в своей книге «Ищущие Бога» защищает сектантов, он пишет, что русские сектанты, идеальные во всех отношениях люди, «и понапрасну их гонят и преследуют, напрасно на них нападают. Вместо такого неподобающего к ним отношения, лучше бы их благословляли...» [12. С. 702].

В период Первой мировой войны православная церковь вела активную социальную работу по сбору пожертвований на нужды фронта, по призрению детей воинов, чтобы «*облегчить страдания и осушить слезы сирот*». Так, тема «жертвы для фронта» стала центральной в епархиальных журналах. В церковной печати Самары публикуются «призывы» – «Пожертвуйте одну копейку!» или «Призыв к пожертвованиям на дело...», «Жертвуйте на нужды пострадавших от войны...» [11. С. 504].

В разделе «Епархиальная летопись» была опубликована статья о благотворительной деятельности православной церкви, работе Скобелевского комитета [9. С. 402], открытии госпиталей, санаториев, различных собраниях, заседаниях и мероприятиях. 7 августа 1914 г. в зале Симбирского епархиального училища собрались духовенство, церковные старосты, представители административных и учебных учреждений Симбирской епархии. На собрании было решено организовать помощь больным и раненым воинам, сиротам и семьям, потерявшим на войне трудоспособных. Церковные средства шли в распоряжение попечительных советов, учреждаемых при храмах [15. С. 772]. «Симбирские епархиальные ведомости» сообщают об определенном количестве материальных средств, собранных по итогам собрания: «*около 400 руб.; кроме того, Его Преосвященством было пожертвовано 300 руб., из коих 200 р. на вдов и сирот, а 100 руб. на устройство кровати при Красном Кресте и монашескую братию Симбирского Архиерейского Дома – также 300 рублей с таким же разделением и назначением*» [13. С. 702].

В «Самарском епархиальном журнале» опубликована информация о деятельности Российского Общества Красного Креста под покровительством императрицы Марии Федоровны, призывавшего к формированию врачебных отрядов, лазаретов, питательных пунктов и ряда других вспомогательных учреждений в целях облегчения участи страждущих воинов, являющихся жертвой служения отечеству. Расход по формированию всех этих учреждений в настоящее время выразился в большой сумме и достигает около 5 000 000 руб. [11. С. 415].

По благословению Святейшего Синода по всей России производился повсеместный сбор пожертвований для оказания помощи раненым и больным воинам Сербии и Черногории. Духовная Консисто́рия дает повеление, чтобы духовенство Симбирской и Самарской епархии точно и неуклонно исполняли его. Священники жертвовали в пользу местных комитетов по сбору пожерт-

вований для голодающих православных и униатов Галиции и Буковины. В епархиальных ведомостях публиковались благодарности за совершение материальных пожертвований.

В январском выпуске «Симбирских епархиальных ведомостей» за 1915 г. опубликован отчет о пожертвованиях: «Через священника с. Баевки, Сенг. у., Иоанна Невского: рубах – 48, чулок и носок шерстян. – 30, кальсон – 52, полотенцев – 14, перчаток – 40, бинтов – 55, портянок – 30 п., курток – 14, кисетов с табаком и бумагой – 33. Через попечительный Совет при Вознесенском Соброре было собрано: носок шерстян. – 15 п., носок бельевых – 6 п., варег шерстян. – 10 п., платков носовых – 12. От монастыря Жадовская пустынь: холста – 100 ар., полотенцев – 12... и т.д.» [19. С. 6]. Правление Симбирского духовного училища сообщило о пожертвовании Почетным блюстителем училища по хозяйственной части Н.П. Пастуховым материалов на сумму 54 руб. 69 коп. на оборудование лазарета при училище для раненых воинов.

Одним из ведущих направлений епархиальных журналов была антиалкогольная кампания. С началом войны в августе 1914 г. был введен «сухой закон» на весь период Великой войны. Он со временем распространялся не только на крепкие напитки – коньяк и водку, но и на более легкие – вино и пиво. Такая законодательная мера, предложенная царем, встретила сопротивление в обществе. Это вызвало реакцию и начало активного развития самогонварения и тайной торговли спиртными напитками. На страницах «Симбирских епархиальных ведомостей» сообщается, что св. Синодом решено осуществить ряд чисто практических мероприятий «предупредительно-го характера» через церковные училища с целью «борьбы с народным пьянством». Протоиерей Матвея Ксанфа в статье «Праздник трезвости на Руси» пишет о пьянстве как о пагубном грехе, имеющем тяжелые последствия. Автор предлагает возносить молитвы «о русском народе и об исцелении его от пагубного недуга – пьянства» [11. С. 967].

Другой автор статьи «Пьянство и трезвость» священник Стефан Иванов предложил свои интересные рекомендации борьбы с «народной болезнью», нужно бороться не устройством увеселения и развлечений, не поднятием образования и условий жизни, а «учеными беседами и убеждениями о пагубном вреде вина» [18. С. 866]. Иванов считает, что за появление пьяного человека на улице нужно в «принудительном порядке» положить его в лечебницу.

Церковь предлагала проводить антиалкогольную кампанию с помощью «народного просвещения»: воспитания в людях духа трезвости, осуждения алкогольного опьянения. В статье «С чего мне надо начать борьбу с недугом пьянства?» (автор И.Б.Т.) предлагается начать борьбу с молитвы, веры и «хождения во храм» [25. С. 3]. Чтобы воспитать в людях дух трезвости, предлагалось организовывать специальные лекции и чтения на тему «О трезвости, о способах борьбы с алкоголизмом» на педагогических курсах. Также организовывались выставки и посещения в музеи.

Протоиерей В. Садовский в статье «Библиографическая заметка» рекомендует прочтение новоизданной книги «В борьбе за трезвость» архимандрита Григория, в которой содержатся 30 поучительных бесед. Поучения краткие, но «глубоко содержательны и общедоступно по изложению». Книга представлена для православного русского воина на фронте или лазарете [24. С. 41].

В «Листке для народа» (приложение к «Симбирским епархиальным ведомостям») священник Иоанн Сергиевский в статье «Добрый совет» пишет о положи-

тельном влиянии антиалкогольной кампании, называя русских с гордостью – «*трезвый народ...*». Сотни тысяч русских людей сделались невольными трезвенниками, и результат налицо: «*почти прекратилось в городах и селах хулиганство, уменьшилось количество преступлений и судебных дел, связанных с употреблением водки...*». Данный автор отмечает, что по сравнению с предыдущим 1915 г. денежные сбережения в 1916 г. увеличились [21. С. 4].

В начале 1917 г. православная печать Симбирска и Самары отражает растерянность и усталость населения. Интересна статья А. Палицкого под названием «*Пир во время чумы*», повествующая о праздности жителей столицы во время страшной и губительной мировой войны. Автор взывает к покаю: «*Русские люди! Образумьтесь, опомнитесь, оглянитесь и уже пойте! Но кто поймет?..*». Автор пишет о «*наших верных и мужественных союзниках*», которые с ужасом смотрят на «*наше русское легкомыслие*» и готовность продать свою Родину [23. С. 6].

Социально-экономический кризис, вызванный войной, сильно ударил по материальной стороне православной церкви. В «Симбирских епархиальных ведомостях» священник Александр Боголюбов опубликовал статью «*Экстренный епархиальный Съезд*», где говорит о продовольственном кризисе снабжения населения, который коснулся и «*святой церкви*». Боголюбов указывает на то, что возникли серьезные затруднения в пшеничной муке для выпечки просфор [23. С. 14]. К 1916 г. в епархиальной печати прослеживается тематика, связанная с трудностями, лишениями, страданиями на фронте, которая особенно усиленно стала звучать после летнего масштабного поражения русской армии под Барановичами, вызвавшего настоящий шок по всей стране и давшего самую благоприятную почву для революционной пропаганды в войсках.

Отступления на фронте русской армии, ухудшение уровня жизни населения, гибель тысяч соотечественников и усталость от войны порождали пессимизм в обществе, сопровождавшийся социальными выступлениями и в феврале 1917 г. вылившийся в революцию. Николай II подписал отречение от престола. Потеряв связь с монархией, Симбирская и Самарская епархии признали новое Временное правительство. В это время еще выпускалась церковная периодическая печать (например, «*Церковная правда: Свободный голос клира и мирян о церковных делах*» с приложением «*Известий по Симбирской епархии*»). С приходом к власти большевиков журналы «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» были закрыты и запрещены, началось время гонений на православную церковь в России.

В результате научного исследования автору удалось сформулировать научные положения и выводы, которые представляют для исторической науки несомненную научную новизну.

Установлено, во-первых, что церковные структуры во время войны на примере двух российских губерний определяли политику православной периодической печати, рекомендуя редакциям те или иные проблемы. Русская православная церковь выступала с проправительственных позиций, единым фронтом в поддержку действующей царской власти.

Во-вторых, тональность публикаций начинает изменяться по мере ухудшения социально-экономического положения местного населения, вызванного ростом цен на продукты первой необходимости, появлением продовольственного дефицита. Если на начальном периоде войны печатались патриотические тексты о победе русского оружия подо Львовом и Галичем [12. С. 574],

то к 1917 г. статьи сопровождаются пессимизмом и равнодушием, переросшими в критику власти [21. С. 6].

В-третьих, данные журналы пытались отразить «священный характер» войны с Германией и ее союзниками. Немцы выступили в качестве агрессоров, это резко повышало легитимность войны в глазах церковных иерархов, что отражалось на страницах Симбирских и Самарских епархиальных ведомостей. Целью епархиальных СМИ были сплочение российского общества и создание предпосылок для формирования массового сознания, в результате чего каждый человек должен был бы чувствовать свою сопричастность к великому и трагическому событию 1914–1917 гг., объединившему все население Российской империи.

В-четвертых, как бы ни была сильна патриотическая пропаганда православной церкви через периодическую печать, несмотря на ее активное, непосредственное участие на фронте и в тылу, а также организацию материального и духовного обеспечения (раненых солдат, детей войны, жен добровольцев и т.д.), удержать центробежные и деструктивные силы в феврале 1917 г. не получилось.

В-пятых, анализ направленности материалов, публикуемых в церковной православной печати, свидетельствует о том, что помимо решения «патриотических» задач по мобилизации на «священную войну до победного конца» своей паствы, священники Русской православной церкви решали и свои чисто конфессиональные, внутрицерковные задачи, стремясь оградить своих верующих от сектантов и «лютеранской ереси».

Литература

1. Буранок А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // *Война и мир*. 2007. № 4. С. 79–86.
2. Ефимов Ю.Д. Симбирск в годы Первой мировой войны: 1914–1918 / Ульянов. обл. краевед. музей имени И.А. Гончарова. Ульяновск: Артишок, 2006. 368 с.
3. Жирков Г.В. Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900–1914 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2011. 291 с.
4. Зубова А.Б. «Самарские епархиальные ведомости» как явление провинциальной культуры // *Пятье Иоанновские чтения*. Самара: Асгард, 2001. 63 с.
5. Косых И.Н., Ястребов В.В. Бог есть любовь. Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии 1832–2016 гг. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2016. 203 с.
6. Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 352 с.
7. Савастенко Р.А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // *Вестник РУДН*. 2013. № 4. С. 112–121.
8. Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2008. № 1. С. 71–85.
9. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 17, 1 сен.
10. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 21, 1 нояб.
11. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 22, 15 нояб.
12. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 23, 1 дек.
13. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 15, 1 авг.
14. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 16, 15 авг.
15. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 17, 1 сен.
16. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 19, 1 окт.
17. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 21, 1 нояб.
18. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 22, 15 нояб.
19. Симбирские епархиальные ведомости 1915. № 1, 1 янв.
20. Симбирские епархиальные ведомости 1915. № 22, 15 нояб.

21. Симбирские епархиальные ведомости 1916. № 5, 1 мар.
22. Симбирские епархиальные ведомости 1917. № 1, 1 янв.
23. Симбирские епархиальные ведомости 1917. № 2, 15 янв.
24. Симбирские епархиальные ведомости 1917. № 3, 1 фев.
25. Симбирские епархиальные ведомости (Листок для народа). 1917 г. № 3, 1 фев.
26. *Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. 1703–1903. СПб.: Библиополис, 2016. 447 с.
27. *Якунин В.Н.* Церковная жизнь и православная культура в Самарском крае в XVI–XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1(10). С. 92–101.
28. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1. Ед.хр. 1071. Канцелярия Симбирской губернии.
29. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 1. Оп. 55. Д. 8. Циркуляры по делам о цензуре и печати, для сведения и руководства.

РУХЛИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова; преподаватель, Ульяновский социально-педагогический колледж, Россия, Ульяновск (Ruhlenko15@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9874-2461>).

Alexey N. RUKHLIN

**WORLD WAR I AND ITS REFLECTION IN SIMBIRSK AND SAMARA
EPARCHIAL JOURNALS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH**

Key words: "Simbirsk diocesan Bulletin", "Samara Eparchial Bulletin", the First world war, the Russian Orthodox Church.

The article examines the publishing activities of the provincial journals "Simbirsk Eparchial Bulletin" and "Samara Eparchial Bulletin" during the world war of 1914–1917. In their periodicals, Church editors and journalists tried to support the sense of patriotism in the society and to justify Russia's role and mission in the war against the "Teutonic hordes". Also by 1916, social problems and ideological decline of the Russian monarchy are traced the journals. The author has implemented a detailed scientific analysis of previously formed knowledge and scientific approach in order to identify knowledge about the editorial and publishing policy of the Russian Orthodox Church during the war. In his scientific research, the author was guided by the historical method or, as it is formulated in another way, the principle of historicism. When conducting this research, the author relied primarily on special historical and general historical methods. The reliability of the research is conditioned by the use of real archival periodicals published in 1914–1917. The article is highly topical because using specific examples the author shows the information capabilities of the Church periodical press in war conditions.

References

1. Buranok A.O. *Russko-yaponskaya voina na stranitsakh Samarskikh eparkhial'nykh vedomo-stein* [Russian-Japanese war at the pages of Samara Diocesan Journal]. *Voina i mir*, 2007, no. 4, pp. 79–86.
2. Efimov Yu.D. *Simbirsk v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914–1918* [Simbirsk during the First World War: 1914–1918]. Ulyanovsk, Artishok Publ., 2006, 368 p.
3. Zhirkov G.V. *Zolotoi vek zhurnalistiki Rossii. Istoriya russkoi zhurnalistiki 1900–1914 gg.* [The Golden Age of Russian Journalism. The history of Russian journalism 1900–1914 years]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2011, 291 p.
4. Zubova A.B. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti kak yavlenie provintsial'noi kul'tury. Pyatye Ioannovskie chteniya* [Samara Diocesan Journal as a phenomenon of provincial culture. The 5th Ioannovsky's readings]. Samara, Asgard Publ., 2001, pp. 59–63.
5. Kosykh I.N., Yastrebov V.V. *Bog est' lyubov'. Iz istorii arkhieireiskogo sluzheniya v Simbirskoi (Ulyanovskoi) eparkhii 1832–2016 gg.* [The God is love. From the history of the bishop's service in the diocese of Simbirsk (Ulyanovsk) in 1832–2016]. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2016. 203 p.
6. *Russkaya periodicheskaya pechat' (1895 – oktyabr' 1917)* [Russian periodicals (1895 – October 1917)]. Moscow, 1957, 352 p.
7. Savastenko R.A. *Rossiiskaya periodika v nachale XX veka i ee uchastie v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany* [Russian periodicals at the beginning of the XX century and its participation in social and political life of the country]. *Vestnik RUDN*, 2013, no. 4, pp. 110–121.

8. Semenova E.Yu. *Periodicheskaya pechat' i tsenzura v gody Pervoi mirovoi voyny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiiskogo obshchestva (po materialam Povolzhskikh gubernii)* [The periodical press and censorship in the years of the First World War as a factor of formation of the mindset of Russian society]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2008, no. 1, pp. 75–85.

9. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 17, Sept. 1.

10. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 21, Nov. 1.

11. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 22, Nov. 15.

12. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 23, Dec. 1.

13. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 15, Aug. 1.

14. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 16, Aug. 15.

15. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 17, Sept. 1.

16. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 19, Oct. 1.

17. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 21, Nov. 1.

18. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 22, Nov. 15.

19. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1915, no. 1, Jan. 1.

20. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1915, no. 22, Nov. 15.

21. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1916, no. 5, March 1.

22. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1917, no. 1, Jan. 1.

23. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1917, no. 2, Jan. 15.

24. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1917, no. 3, Feb. 1.

25. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti (Listok dlya naroda)*, 1917, no. 3, Feb. 1.

26. Engel'gardt N.A. *Ocherk istorii russkoi tsenzury v svyazi s razvitiem pechati. 1703–1903* [Essay on the history of Russian censorship in connection with the development of the press. 1703–1903]. St. Peterburg, Bibliopolis Publ., 2016, 447 p.

27. Yakunin V.N. *Tserkovnaya zhizn' i pravoslavnaya kul'tura v Samarskom krae v XVI – XX vv.* [Church life and Orthodox culture in the Samara region in the 16th–20th centuries]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2015, no. 1(10), p. 92–101.

28. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 1. Ed.khr. 1071. Kantselyariya Simbirskoi gubernii* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archive 76. Anagraph 1. Storing Unite 1071. Chancellery of the Simbirsk province].

29. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 1. Op. 55. D. 8. Tsirkulyary po delam o tsenzure i pechati, dlya svedeniya i rukovodstva* [Central State Archives of the Samara Region. Archive 1. Anagraph 55. Document 8. Circulars on cases of censorship and the press, for information and guidance].

ALEXEY N. RUKHLIN – Post-Graduate Student, Ulyanovsk State Pedagogical University; Teacher, Ulyanovsk Social and Pedagogical College, Russia, Ulyanovsk (Ruhlenko15@mail.ru); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9874-2461>).

Формат цитирования: Рухлин А.Н. Первая мировая война и ее отражение в симбирских и самарских епархиальных журналах Русской православной церкви // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 126–138. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-126-138.